

УДК 811.161

Е. Н. Бекасова

А. А. Шахматов: классика реконструкции

В статье рассматриваются особенности представления генетического фона восстановленного А. А. Шахматовым текста Древнейшего Киевского свода 1039 г. Беспрецедентная по своему масштабу и достоверности реконструкция в определенной степени позволяет как уточнить позицию самого Шахматова относительно генезиса русского литературного языка, так и выявить некоторые особенности взаимоотношений диагностирующих восточнославянских и южнославянских признаков в начальный период древнерусского летописания.

Ключевые слова: А. А. Шахматов, реконструкция древнейших летописных сводов, восточнославянский язык, рефлекс праславянских сочетаний, генезис русского литературного языка.

Алексей Александрович Шахматов (1864—1920), с гимназических лет увлекшись древнерусскими летописями, заложил основы теоретического осмысления феномена летописания на Руси и практического исследования летописных текстов в синкретизме жанров и симбиозе восточнославянской и южнославянской стихий. Без преувеличения можно считать, что принадлежность А. А. Шахматова «к тому числу русских ученых энциклопедического типа, которые сыграли выдающуюся роль в развитии нашей отечественной науки вообще и филологии в частности» [16, с. 216], во многом обусловлена интересом к летописанию, определившему нашу историю, литературу и язык.

Шахматов, несмотря на его признание, что он имел «серьезных предшественников... при разработке обширного рукописного материала» [24, с. 3], первым на основе исключительно рукописей обратился к многочисленным спискам Повести временных лет (далее — ПВЛ) с целью восстановления разных редакций и первоначального вида древнейших летописных сводов, снятия позднейших наслоений, исправлений и искажений, открытия источников. Такой подход позволял ему не только выявить неточности в публикациях, которые в свою очередь негативно отражались на трудах ориентировавшихся на печатные тексты исследователей, но и прежде всего понять суть книжного дела на Руси, определить особенности редакторской правки и специфику разночтений рукописных текстов.

Заложив основы текстологии на материале самого сложного в этом плане древнерусского памятника письменности, А. А. Шахматов в своем стремлении к всестороннему исследованию летописных сводов приходит к самому замечательному и смелому в нашей филологической науке проекту — к реконструкции не дошедших до нас в первоначальном виде двух редакций Повести временных лет — Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г. и Новгородского свода 1050 г. с продолжениями до 1079 г.

Отдельные моменты шахматовских реконструкций не всегда удовлетворяют современную науку, как, впрочем, и взыскательность и постоянный исследовательский поиск самого Шахматова, который при публикации своего итогового труда «Разыскания о русских летописях» видел в нем «несколько существенных недостатков, не устранимых и не поправимых после отпечатывания книги» [24, с. 5]. Однако к такого рода классическим работам как нельзя лучше подходит восторженная оценка трудов А. А. Шахматова, высказанная его учеником М. Д. Приселковым: «Читатель поражается и изумительной широтой охваченного и вовлеченного в изучение материала, и блестящим использованием этого материала в безукоризненно исследовательской манере» [22, с. 9—10]. Определен-

© Бекасова Е. Н., 2014

ная В. В. Виноградовым классическая значимость научной деятельности А. А. Шахматова прошла проверку временем и остается актуальной до настоящего времени: «История русского языка в ее современном состоянии носит на себе неизгладимую печать шахматовского влияния. Даже борьба с теориями Шахматова чаще всего ведется при помощи того же оружия, а иногда и тех же средств, которые извлекаются из научных арсеналов самого же Шахматова. Исторические задачи, не решенные Шахматовым, стоят и перед нами...» [16, с. 236].

Высокая степень достоверности реконструкций древнейших летописных сводов обуславливает необходимость их изучения в том числе в плане представления особенностей восточнославянского языка старшего периода. Впервые к шахматовским реконструкциям древнейших летописных сводов как надежному источнику обратилась Л. М. Устюгова. Анализируя примеры соотношения книжнославянизмов и соотносительных русизмов в списках летописи Нестора, Устюгова сравнивает их с данными текстов А. А. Шахматова и приходит к выводу, что они «значительно превосходят каждый из шести анализируемых списков ПВЛ» по количеству исследуемых ею лексем с южнославянскими приметами «особенно в начальной части реконструкции», хотя «чем отчетливее в тексте ПВЛ ощущалось биение жизни, тем чаще в реконструкции А. А. Шахматова появлялись русизмы» [21, с. 103]. Однако более показательным, по ее мнению, то, что Шахматов «сохраняет в реконструкции многие примеры соединения в пределах тесно связанного контекста элементов различной языковой принадлежности» [там же]. И хотя их также «значительно меньше, чем в каждом из шести анализируемых списков, но тем не менее они очень важны, поскольку убедительно свидетельствуют о том, что ученый воспринимал их как исконную особенность текста ПВЛ» [21, с. 103—104].

Такое направление реконструкции в плане представления генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний, на наш взгляд, обусловлено несколькими причинами.

С одной стороны, следует согласиться с Л. М. Устюговой, которая считает, что причины преобладания южнославянских элементов в реконструкции А. А. Шахматова определяются его взглядами, в частности опубликованными одновременно с реконструкцией ПВЛ (1916 г.): «История русского литературного языка — это история постепенного развития русского просвещения. ... Главным орудием его распространения был перенесенный на русскую почву древнеболгарский язык. Богатство этой почвы, ее жизненная сила ярко сказались в том, что уже Киевская Русь претворила древнеболгарский язык в свой национальный» [25, с. 53]. Из подобных высказываний сложилась приписываемая Шахматову «гипотеза обрусения болгарского языка», при этом, как справедливо отметил еще В. В. Виноградов, в «красивой и величественной картине болгарского языкового книжного и устного влияния на разные типы языка Киевской Руси нельзя не видеть сильного увлечения и преувеличения» [16, с. 227]. Однако имеются и другие высказывания ученого, свидетельствующие о невозможности одностороннего рассмотрения его взглядов (подробнее см.: [16; 17]), так как А. А. Шахматов не задавался целью выстраивать концепции и схемы, выдвигать гипотезы: его интересовал язык во всем многообразии его письменных и устных текстов, структурных и системных особенностей на протяжении почти тысячи лет.

В этой связи можно продолжить известную метафору Н. С. Трубецкого, который, определяя значимость общеславянского элемента в системе русского литературного языка, писал о том, что с учетом разных факторов «получается очень сложная картина жизни языка. Объять всю эту картину почти невозможно, и поневоле приходится ограничиваться только рассмотрением отдельных ее частей» [19, с. 123]. Именно рассмотрение отдель-

ных фрагментов, представленных в различных древнерусских памятниках, определенный угол зрения на тот или иной фрагмент картины, который занимал А. А. Шахматова или которым он занимался, обуславливал его впечатления или о церковнославянском языке как родоначальнике письменного русского языка, или о том, как под инославянской оболочкой пробивается живой язык народа, как литературный язык **остаётся** (!) «в основе своей народным» и, «не покидая народной почвы», обогащается заимствованиями [26, с. 565], как «заглушает и затирает» южнославянскую стихию [25, с. 60—62].

При этом А. А. Шахматов был прежде всего исследователем, далеким от одностронности и предвзятости. Отсюда колебания и противоречия, которые, безусловно, были «спровоцированы» реальным воздействием конкретных рукописных текстов, где преобладали то восточнославянские, то южнославянские соответствия или фиксировалось их своеобразное соединение, что было отмечено многими учеными как «сожителство», «культурные преемства и наследия», «радиация», «прививка» (Н. С. Трубецкой), «двумерность (a two-dimensional languages)» (Б. О. Унбегаун), «симбиоз, сращение, органическое слияние, смешение» (В. В. Виноградов), «амальгама» (Г. О. Винокур), «сплав» (Б. А. Успенский), «трансплантация, импортирование, инкрустирование» (В. В. Колесов, Н. И. Толстой, Б. А. Успенский), и обусловили, по утверждению Н. С. Трубецкого, его исключительные преимущества не только среди славянских, но и других литературных языков [20, с. 126].

Наши исследования механизмов генетической организации системы русского языка свидетельствуют о том, что такая гетерогенность является необходимой составляющей не только структуры и системы русского литературного языка, но и была свойственна текстам церковнославянского языка русской редакции [1; 2; 11; 12]. В частности, уже древнейшие датированные списки важнейших канонических памятников, относящиеся к новгородской школе — Остромирово Евангелие (1056—1057 гг.) и Новгородские Служебные Минеи (1095—1097 гг.), — при единстве реализации рефлексов *tj, *kt, *gt и дифтонгических сочетаний с плавными в южнославянском оформлении фиксируют два диаметрально противоположных способа представления морфонологических чередований с рефлексами *dj: с сохранением южнославянского типа в Остромировом Евангелии (89%) и заменой его в большинстве корневых морфов (93,25%) альтернативой восточнославянского происхождения в Новгородских Минеях [7].

С другой стороны, определенную роль сыграли отмеченные Л. М. Устюговой критические замечания А. А. Шахматова в свой адрес: «Сознаюсь, что лингвистические вопросы стояли в моей работе на заднем плане. От этого зависели многие недосмотры и недостаточная последовательность. Это отразилось не только на фонетической и грамматической стороне текста, но также и, может быть, еще в большей степени нежелательно, на стороне стилистической и синтаксической» [23, с. LXV]. Однако, несмотря на весьма критическое отношение к себе и постоянный исследовательский поиск, Шахматов строго придерживался выработанных им четких позиций: «Я по общему правилу решался на исправление основных списков только в крайних случаях (явные пропуски, явные искажения); сомнительные случаи я толковал в пользу основных списков» [23, с. LXII], «в отношении других особенностей языка я не решался производить слишком решительных отступлений от рукописной традиции и не стремился к введению единообразия в язык восстанавливаемого текста; имея в виду показания рукописей, я допустил в своем тексте все то разнообразие, какое замечается в русских памятниках XI—XII вв.» [23, с. LXIV].

Последнее положение нам представляется особенно значимым, так как свидетельствует не столько о направлении реконструкции текста, сколько о реальном восприятии А. А. Шахматовым языка древнерусской письменности того периода, о котором он теоретически пишет как о языке древнеболгарском.

В связи с этим нами был проведен конкретный анализ соотношения генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний в восстановленном А. А. Шахматовым тексте Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г. [24, с. 385—456]. С одной стороны, такой анализ позволит определить реальный генетический фон реконструкции летописного свода и соотнести его с теоретическими установками Шахматова. С другой стороны, появится возможность сравнить представленные в восстановленном тексте летописного свода диагностирующие признаки с зафиксированными в древнерусских рукописях, что даст основание в этом аспекте определить степень достоверности реконструкции.

Прежде всего следует отметить, что в восстановленном тексте Древнейшего Киевского свода наблюдаются существенные различия между группами генетически соотносительных элементов. Это обстоятельство представляется весьма важным, потому что с момента столкновения и на протяжении всего развития русского языка группы праславянских рефлексов имеют собственную историю, обусловленную целым рядом факторов (подробнее см. [5; 8; 13]). Необходимо подчеркнуть, что об этом впервые упомянул Ф. И. Буслаев [15, с. 69—70], но последовательно и четко разделил на соответствующие группы А. А. Шахматов [18, с. 249—261]. Тем не менее у нас сложилась традиция недифференцированного рассмотрения всех фонетических примет, что не только искажает реальную их представленность в древнерусских рукописях, но и не раскрывает механизмов вхождения южнославянских рефлексов в систему русского языка и их взаимодействия с исконными соответствиями, не объясняет нынешнего состояния гетерогенности современного русского литературного языка.

В замечаниях, касающихся «поправки языка», А. А. Шахматов особо отмечает специфику передачи отношений внутри каждой группы. В частности, заявленный Шахматовым принцип генетического «разнообразия» в восстановленных текстах древнейших летописных сводов подкрепляется им соответствующими примерами *trat-* и *torot-* лексем: «наряду с формами как *градъ*, *власть*, *страна*, *злато*, *брегъ*, *время*, *Древляне* я допускал русские полногласные формы *городъ*, *волость*, *сторона*, *золото*, *берегъ*, *веремя*, *Деревляне*, если их предлагал основной список» [23, с. LXIV—LXV]. Следует отметить, что именно группа полногласной и неполногласной лексики обладает самой высокой степенью гетерогенности в памятниках древнерусской письменности. В частности, в восстановленном тексте Древнейшего Киевского свода на фоне преобладания неполногласной лексики (69,7%, ср.: в ПВЛ по Лаврентьевскому списку — 53,1%) можно выделить корнесловы в разной огласовке — неполногласной (60,8%), полногласной (5,6%) или гетерогенной (33,6%, ср.: в ПВЛ по Лаврентьевскому — 52,5%). В отличие от рукописной традиции, на которую ориентируется А. А. Шахматов, в реконструкции преобладают неполногласные корреляты и ниже уровень варьирования полногласия и неполногласия. Имеются замены лексем с полногласием в основных списках ПВЛ неполногласием в реконструкции, что Шахматов отмечает в подстрочных примечаниях, например: единое *страны* (в Лавр.: «одинокую *стороною*») 386 (здесь и далее стр. по [24]), ово *старъ*, ово *младъ* (в Лавр.: «*молодь*») 449 и др.

А. А. Шахматов также избегает совместной встречаемости для большинства возможных коррелятов, которая настолько отчетливо представлена в сохранившихся списках ПВЛ, что ее можно назвать универсальным показателем генетической организации текста [6; 14].

Однако вопреки, на первый взгляд, сознательным установкам автора в восстановленном тексте встречаются случаи варьирования *torot-* и *trat-* лексем, например: и рече *Володимеръ*: и налъзоша Дъньпръ рѣку и Смольньскъ *градъ*, и отътолѣ поидоша вънизъ

по Днѣпру, и придоша къ горамъ Киевьскимъ, и узрѣша *городъ* Киевъ 387; и оттолѣ «се не добро, еже мало *городъ* около Киева». И нача ставити *грады* по Деснѣ и по Остри 410, окаяньныи же Святопѣлкъ рече: «елико Ляховъ по *городомъ*, избиваити я» <...> и *грады* Чьрвеньскыя зая собѣ 423, и заяста *грады* Чьрвеньскыя опять <...> И поча ставити *города* по Рѣси 427 и под.

Показательно, что такое варьирование касается, как правило, коррелятов *город/град*, широко представленных как в летописных, так и в былинных текстах и проявляющих высокую склонность к совместной встречаемости. Это тем более показательно, что при описании примечаний к предлагаемым далее восстановленным текстам Шахматов специально оговаривает невозможность использования полногласного корнеслова *город*: «допускаю поэтому в текст некоторые полногласные формы (порогъ, Новгородъ, Деревляне, но градъ, брегъ)» [24, с. 382].

Другая предписываемая здесь форма с неполногласием *брег* выдерживается гораздо строже, однако имеется один случай употребления полногласия, ср.: Ольга же потая воя своя въ *лодияхъ*, и съ малъмъ дружины излѣзоша на *брегъ* <...> выскакаша прочии вои из *лодии* на *брегъ* 387—388 и под. — Иде Володимеръ съ Българы въ *лодияхъ*, а Търкы *берегъмъ* приведе на конихъ 403. Другой полногласный корень употребляется в составе сложного древнерусского топонима (и ста зимовати въ *Бѣлобережии* 397).

В связи с этим следует подчеркнуть, что древнерусская ономастическая лексика представлена А. А. Шахматовым исключительно в восточнославянском облици (*Новъгородъ*, *Бѣлъгородъ*, *Володимеръ*, *Всеволодъ* и под.), при этом такие формы не только составляют более 70% всех лексем с полногласием, но и чаще всего становятся нарушением однородности генетического фона, ср.: бѣ бо Вышегородъ *градъ* Ользинъ 390, и заложити *градъ* *Бѣлогородъ* 413, *градъ* именъмъ *Пересѣсечень* 389, а Святославъ бѣше *Переяславци*; и затворишася Ольга съ внуки своими, Яропѣлкъмъ и Ольгъмъ и *Володимеръмъ*, въ *градъ* Киевѣ 393; Иде *Володимеръ* къ Ляхомъ и зая *грады* ихъ, *Перемышль*, Чьрвень и ины *грады* 402, и посадники своя посади Новѣгородѣ. И прея власть его Ярославъ 398 и под.

Таким образом, принцип выдвинутого Шахматовым генетического разнообразия, несмотря на более низкую степень корреляции с соответствующей гетерогенностью основных списков ПВЛ, в определенной степени реализуется в восстановленном древнейшем летописном своде, особенно в контекстах, где к гетерогенности представления рефлексов дифтонгических сочетаний с плавными добавляются особенности реализации других генетически соотносительных примет.

Следует подчеркнуть, что группы слов с рефлексами *tj и *dj А. А. Шахматов также развел в соответствии с особенностями их представления в дошедших списках и редакциях. Вопрос о специфике передачи рефлекса *dj специально рассматривался им при реконструкции текста ПВЛ: «Принадлежность основных списков к XIV и XV в. помешала сохраниться в возобновленном тексте некоторым таким колебаниям письма, которые могли иметь место в памятнике начала XII в. Так, не пришлось давать нигде церковнославянское жд, а только русское ж: сужю, преже (впрочем, уже некоторые русские памятники XII в. систематически заменили жд через ж)» [23, с. LXV]. При восстановлении текстов древнейших летописных сводов Шахматов допускает «написания с ч, ж (хочю, яжь) рядом с написаниями с щ, жд (мещимъ, побеждаемъ)» [24, с. 382]. Данные рефлексы, судя по нашим исследованиям генетического фона восточнославянских рукописей, имели значительные расхождения, связанные с разной степенью фонетической адаптации южнославянских рефлексов, что привело к генетическому размежеванию типов чередования с рефлексами *tj и формированию смешанного типа чередования с рефлексами *dj (подробнее см.: [3; 9; 10]).

Однако для понимания особенностей реконструкции следует обратиться к тем категориям слов, которые А. А. Шахматов выделил для данных рефлексов. Одной из двух для *dj и трех для *tj «категорий случаев» нахождения рефлексов называется группа «глагольных форм и отглагольных существительных» [18, с. 250—252]. Данная группа представляет взаимосвязанные системные образования с полной парадигмой морфонологических чередований и занимает особое место в реализации рефлексов *tj и *dj. По нашим данным, основные списки ПВЛ представляют диаметрально противоположные результаты — практически стопроцентную фиксацию исконного *dj и южнославянского по происхождению *tj. Аналогично представлены данные типы чередования и в восстановленном тексте Древнейшего Киевского летописного свода — 100% /щ/ и 93% /ж/. Для Ипатьевского и Лаврентьевского списков ПВЛ в системных глагольных образованиях зафиксировано 100%-ное употребление восточнославянского рефлекса *dj, а подобное нарушение генетической чистоты имеется, в частности, в Комиссионном списке Первой Новгородской летописи (93,3%). Однако в реконструкции Шахматова имеется альтернант /жд/, зафиксированный в форме причастия, свойственной текстам Священного писания и характеризующейся южнославянским оформлением в большинстве древнерусских памятников (*въ имя рождѣшая тя Матере, приснодѣвья Богородица* 413).

Помимо «глагольных форм и отглагольных существительных» для слов с рефлексами *tj выделяются действительные причастия настоящего времени, которые, как правило, фиксируются преимущественно в южнославянском облики, в том числе и в русских летописях, что также представлено в реконструкции, где на фоне более двухсот случаев имеется лишь два случая употребления исконной формы (И *примуци* Угличѣ, и возложи на ня дань 389, кѣде *придуча* въ погость 445).

Наряду с глагольными и отглагольными формами для слов с рефлексами *tj (а также *kt, *gt) и *dj А. А. Шахматов выделяет «группу отдельных слов». В истории русского языка именно данная группа, как свидетельствуют наши исследования, в силу своей «отдельности» от системных связей и независимости от морфонологической позиции, ведет себя аналогично *trat-* и *torot-*лексемам [4]. Отсюда и значительное разнообразие генетического облика данных слов в восстановленном тексте летописного свода: 41% слов с восточнославянским /ч/ (типа *плечо*, *печера*) и 18,4% слов с южнославянским /жд/ (*прежде* (при *преже*), *одежда*, *даждь*, *надежда*, *жажда* [3]). Следует отметить, что группа «отдельных слов» демонстрирует не только высокую степень гетерогенного варьирования, но и чаще всего «выбивается» из генетического фона рукописи, в том числе и в текстах Священного писания [2].

Таким образом, в восстановленном Шахматовым тексте Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г. прослеживаются те же тенденции реализации генетически соотносительных рефлексов праславянских сочетаний, что и в древнерусских летописях. При этом преимущественное употребление южнославянских по происхождению рефлексов не следует рассматривать как следствие приписываемой А. А. Шахматову теории церковнославянского происхождения русского языка, поскольку при наличии гетерогенности в реконструкциях Шахматова прослеживаются определенные закономерности, свойственные в целом складыванию гетерогенной морфонологической системы русского литературного языка, и соблюдается правило преимущественного генетического фона, свойственное всем древнерусским рукописям. В частности, дифференцированный подход к разным группам рефлексов обуславливал совместную встречаемость генетически неоднородных элементов в пределах тесно связанных контекстов. Например: у Коростѣня града в *Деревѣхъ* 390, по семь же *преидоша межю* Богъ и Днѣстръ 389, *злато* и *паволоки* и вино и *овощъ* 389, глаголюще: «ты, княже, чюжсея земли ищеши...» 393,

И приде Святославъ къ *порогомъ*, и не бѣ у нихъ *брашна* уже, и бысть *гладь* великъ, яко по полугривнѣ *глава* коняча. <...> и убиша Святослава, взяша *главу* его... 397, глаголюще: «зѣло есть нашим *головамъ*: да намъ ясти *древянами* лъжицами, а не *сребрянама*». Се слышавъ *Володимерь* повелѣ исковати лъжицѣ *сребряны* ясти дружинѣ, рекъ сие: «яко *сребрьмъ* и *златъмъ* не имамъ налѣсте дружины, а дружиною налѣзу *сребро* и *злато*, яко же дѣдъ мой и отьць мой доискася дружиною *злата* и *сребра*. Бѣ бо *Володимерь* любя дружину... 415, «утвърди вѣру въ нихъ праву и несъвратьну и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго *врага*, да надѣяся на тя и на твою държаву, побѣжю кѣзни его» 408, *нощию*, *межю* клѣтми проймавъше помость, обьртѣвъше въ ковьрь *Володимера* 417, Бѣ же уже в *заморозъ* и стояше Святопѣлкъ *межю* дѣвѣмъ *озерома* и всю *нощъ* пилъ бѣ с дружиною своею. Ярославъ же заутра, испѣлчивъ дружину свою, противу свѣту *перевезеся*. И вышѣдъше на *брегъ*, отьринуша *лодиѣ* отъ *брега* ... 422, яды хлѣбъ *сухъ* и то *чресъ* днь ...копая *печеру* и не дада себѣ упокоя ни днь ни *нощъ* 434, а сам *хоцю* въ ону гору ити *единъ*, якоже и *преже* бяхъ обьклъ *уединивъся* жити 435, имѣже бѣша жили чьрньци *преже* въ *печере* 436, нача призывати бѣсы въ *храмину* свою. Новѣгородьцю же сѣдяцю на *порозѣ* тоя же *храмины*... 448, крѣстъмъ бо *огражаеми* вѣрнии людие побѣжають супостаты противньныя 454, И не *брежаше* въ църквь ходити, нѣ *нужею* привлачахуть 442, не добро бо есть *преступати* предѣла чюжяго 456 и под.

Сложно предположить, что в этом случае «роковую» роль сыграла ссылка А. А. Шахматова на то, что «лингвистические вопросы стояли на заднем плане», отчего и «недостотры и недостаточная последовательность». С одной стороны, в подобных контекстах сталкивается безэквивалентная, по реконструкции А. А. Шахматова, в генетическом отношении лексика (*храмина*, *злато*, *нощъ* — *Новѣгородъ*, *Володимерь*, *порогъ* и др.), с другой — были очевидные возможности правки текста: Ср.: постави Варягы *посредѣ*, а на правѣ *сторонѣ* Кыяны, а на лѣвѣмъ крилѣ *Новѣгородьци*. И *сташа* *предѣ* *градъмъ* 428 — яко не *мощи* ему *обратитися* на другую *страну*, ни *встати*, ни сѣдѣти, нѣ *лежаше* на единой *странѣ*, и подѣ ся *полѣваше* 442, а мнѣ буди си *сторона* <...> Ярославъ *прия* сию *страну* 426—427; *предѣ* зорями *идоша* по кѣлиямъ своимъ, съ же старьць послѣ *исхожаше* ис църкве. *Идуцю* же ему *единою*... и *видѣ* се, яко тѣлпа *поиде* отъ *воротъ*; *възведь* очи свои, *видѣ* *единого* сѣдяща на свинии, а другыя *текуща* около его 439—440 — *Повѣси* же *щитъ* свои на *вратѣхъ* 389, *чресъ* *гроблю* мость къ *вратомъ* *граднымъ* 397 и под.

Однако нет оснований считать, что подобные совмещения выстраивались сознательно, поскольку они полностью укладываются в сложившуюся систему гетерогенности фона древнерусской рукописи. А. А. Шахматов, сверяя и поверяя свои реконструкции списками ПВЛ, выстроил восстановление текста в том же ключе, что подтверждает верность реконструкции летописного свода, который уже в самом начале не мог быть генетически однозначным. В какой-то степени Шахматов, проникнув в самую суть летописных текстов, «поверяя алгеброй гармонию», сам выполнял роль летописца, который, несомненно, имел определенные представления об образцовом тексте и следовал значимым для него языковым установкам. Гениальная интуиция, базирующаяся на докональных знаниях разновременных летописных списков и редакций ПВЛ, позволила А. А. Шахматову создать «восстановленный» текст летописного свода, который можно рассматривать как один из потенциально возможных. Это подтверждается также его рассуждениями о текстах летописных сводов как итоге деятельности разных книжников. При этом он ссылается на «отдаленного от составителей Повести вр. лет одним столетием» Поликарпа: «литературные отношения, связанные с появлением Повести вр. лет, которую Поликарп несомненно пользовался, могли быть ему известны гораздо подроб-

нее, чем нам. Допускаю, впрочем, что и Поликарп затруднился бы расчленив Повесть вр. лет по составившим ее в разное время летописцам» [23, с. LXVII—LXVIII]. Подобный сплав текстов разных составителей изначально характеризовался гетерохронностью и гетерогенностью. В связи с этим сохранялись сложившиеся параметры соотношения генетически соотносительных рефлексов — в той или иной степени варьирование полногласной/неполногласной лексики и «отдельных слов» на фоне южнославянского по происхождению рефлекса *tj и преимущественной реализации исконного *dj в системных глагольных образованиях, что в полной мере представлено и в реконструкции А. А. Шахматова, в том числе с тем возможным колебанием отмеченного им в древнерусских рукописях «разнообразия», которое также проявлялось в соединении южнославянской и восточнославянских соотносительных языковых примет в тесно связанных контекстах.

Список использованной литературы

1. Бекасова Е. Н. Генезис текста // Бекасова Е. Н., Москальчук Г. Г., Прокофьева В. Ю. Векторы интерпретации текста: структуры, смыслы, генезис. М. : Спутник+, 2013. С. 150—208.
2. Бекасова Е. Н. Генетический фон древнерусского текста. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2010. 208 с.
3. Бекасова Е. Н. Механизмы отбора генетически неоднородных коррелятов жажда/жажа в русском литературном языке // Основные тенденции развития русского и других славянских языков в современном мире : сб. науч. тр. по материалам междунар. конф. (15—16 мая 2014 г., г. Трнава). Брно, 2014. С. 44—49.
4. Бекасова Е. Н. Миф о превосходстве южнославянских по происхождению рефлексов в истории русского языка // Филологические науки. 2005. № 2. С. 42—49.
5. Бекасова Е. Н. О генетической организации системы русского литературного языка // Вестник Оренбургского государственного университета. Гуманитарные науки. Оренбург, 2005. № 2. С. 90—94.
6. Бекасова Е. Н. О закономерностях генетической организации летописного и былинного текстов // Русский язык и литература в школе и в вузе: проблемы изучения и преподавания: [сб. науч. тр.]. Горловка, 2010. С. 14—20.
7. Бекасова Е. Н. О соотношении генетически неоднородных элементов в древнерусских памятниках XI в. // Проблемы славянской филологии : материалы науч. конф., посвящ. 90-летию со дня рожд. проф. С. В. Фроловой. Самара, 1996. С. 45—50.
8. Бекасова Е. Н. О специфике трансплантации и ауто трансплантации в текстах церковнославянского и русского языков // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология и искусствоведение». Челябинск, 2008. Вып. 21. С. 28—32.
9. Бекасова Е. Н. Реципиентные свойства текста // Лингвистический и эстетический аспекты анализа текста : материалы междунар. науч. конф. (Соликамск, 4—5 дек. 1997 г.). Соликамск, 1997. С. 77—78.
10. Бекасова Е. Н. Семантический фактор как один из механизмов включения лексем с гетерогенными рефлексами *tj в русский литературный язык // Науковий вісник Ужгородського університету. Сер. «Філологія. Соціальні науки». 2010. № 22. С. 81—86.
11. Бекасова Е. Н. Соотношение южнославянских и восточнославянских по происхождению элементов в памятниках церковнославянского языка // Вестник Оренбургского государственного педагогического института. 1996. № 4. С. 16—41.
12. Бекасова Е. Н. Статус рефлексов *dj в памятниках церковнославянского языка русского извода // Вестник МГОУ. Сер. «Русская филология». М., 2008. Вып. 3. С. 5—11.
13. Бекасова Е. Н. Фонетический фактор в судьбе праславянских рефлексов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. М., 2014. № 2. С. 56—63.
14. Бекасова Е. Н., Устюгова Л. М. К проблеме соотношения церковнославянизмов и русизмов в тексте «Повести временных лет» // Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии : материалы междунар. науч. конф. Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филол. фак., 26—28 нояб. 2013 г. / ред. кол. М. Л. Ремнева [и др.]. М. : МАКС Пресс, 2013. С. 24—27.
15. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., передел. Ч. 1. М. : Университетская тип. (Катков и К), 1863. 259 с.
16. Виноградов В. В. История русского литературного языка в изображении академика А. А. Шахматова // История русского литературного языка. Избранные труды. М. : Наука, 1978. С. 216—236.
17. Горшков А. И. Отечественные филологи о старославянском и древнерусском литературном языке // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М. : Наука, 1987. С. 7—30.

18. Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи). М. : Учпедгиз, 1952. 272 с.
19. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 122—139.
20. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 114—134.
21. Устюгова Л. М. Книжнославянизмы и соотносительные русизмы в основных списках «Повести временных лет» // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. М. : Наука, 1987. С. 90—104.
22. Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Ин-т литературы ; ред. А. С. Орлов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. Т. 4. С. 9—50.
23. Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания / Изд-е Императ. Археограф. комиссии. Пг. : Тип. А. В. Орлова, 1916. 260 с.
24. Шахматов А. А. Разыскания о древнерусских летописях. М. : Академический Проект ; Жуковский : Кучково поле, 2001. 880 с.
25. Шахматов А. А. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка // История русской литературы до XIX в. Допетровская литература / под ред. А. Е. Грузинского, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, П. Н. Сакулина. М. : Изд-во т-ва «Мир», 1916. Т. 1. С. 39—63.
26. Шахматов А. А. Русский язык и русская литература // Энциклопедический словарь / издат. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб. : Типография Акц. о-ва Брокгауза — Ефрона, 1899. Т. 28. С. 564—581.

Поступила в редакцию 30.09.2014 г.

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, доцент
Оренбургский государственный педагогический университет
460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Советская, 19
E-mail: bekasova@mail.ru

UDC 811.161

E. N. Bekasova

A. A. Shakhmatov: classics of reconstruction

This article considers the peculiarities of representing the genetic background of the text of the most ancient Kiev chronicles of 1039 restored by A. A. Shakhmatov. The reconstruction, unprecedented in its scale and authenticity, allows to a certain degree both to clarify the standpoint of A. A. Shakhmatov on the genesis of the Russian literary language and to reveal some features of interrelation of East Slavic and South Slavic diagnostic signs at the initial stage of Old Russian annals.

Key words: A. A. Shakhmatov, reconstruction of the most ancient chronicle, East Slavic language, reflexes of Proto-Slavic combinations, genesis of the Russian literary language.

Bekasova Elena Nikolaevna, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor
Orenburg State Pedagogical University
460014, Russian Federation, Orenburg, ul. Sovetskaya, 19
E-mail: bekasova@mail.ru